

Обе сели в машину, Нань Чуцин по-прежнему устроилась на заднем сиденье. Чжао Цзянсюэ развернулась и поехала обратно; пропетляв через несколько перекрестков, она остановилась перед вывеской заведения под названием Ароматная каша старого Сань.

Стоявшая у дороги вывеска немного выпцвела, само помещение было очень маленьким, а сбоку от ветра защищал длинный кусок желтой пластиковой пленки. Чжао Цзянсюэ и Нань Чуцин друг за другом вошли внутрь. Заказав порцию на двоих и тарелку маринованных речных улиток, они прошли через боковую дверь вглубь.

Время было раннее, посетителей оказалось немного: в восточном углу сидели всего три человека. Чжао Цзянсюэ тоже выбрала местечко в тихом углу и присела.

Нань Чуцин впервые оказалась в подобном месте и чувствовала себя крайне непривычно, ей казалось здесь грязновато. Нахмурившись, она посмотрела на Чжао Цзянсюэ. Та как раз протирала стол бумажной салфеткой — после того как салфетка описала круг, она вся пожелтела. Чжао Цзянсюэ бросила ее на пол и вытянула новую.

Нань Чуцин взглянула на пачку салфеток с надписью Чайный аромат — с первого взгляда было очевидно, что это дешевка. Ее брови сошлись еще сильнее.

Заметив, что Нань Чуцин уже долгое время не подходит, Чжао Цзянсюэ обернулась и увидела, что та стоит у нее за спиной с нахмуренными бровями и невыразимым выражением лица. Только тогда Чжао Цзянсюэ сообразила, что великая генеральный директор, должно быть, отродясь не бывала в таких местах.

Она бросила взгляд на стоявший напротив небольшой квадратный желтый табурет, а затем снова посмотрела на Нань Чуцин.

Может, лучше протереть для нее стул? Но не будет ли это выглядеть слишком манерно! — размышляла Чжао Цзянсюэ, невольно прекратив протирать стол. Нань Чуцин смотрела на салфетку, прижатую к столу, придерживая её изящными пальцами. Руки её слегка покраснели от холода. Она подумала: а не лучше ли снять своё пальто и отдать ей?

Но не будет ли это выглядеть слишком навязчивой заботой?

Нань Чуцин всё же не сдвинулась с места, а Чжао Цзянсюэ подумала, что так больше нельзя — стоять всё время у неё за спиной было ужасно странно. Она хотела встать, чтобы вытереть стул, но тоже сочла это неловким. Неизвестно почему, в её голове внезапно мелькнула безумная мысль: а что, если просто снять толстовку и постелить ей на сиденье?

Сказано — сделано. Чжао Цзянсюэ ухватила за нижний край своей кофты и уже собиралась задрать её вверх, как заметила, что Нань Чуцин собирается снять верхнюю одежду. Они переглянулись, замерли на секунду, а затем обе рассмеялись.

Нань Чуцин спросила:

— Разве тебе не холодно?

— Нормально, — смущенно ответила Чжао Цзянсюэ.

— У тебя руки покраснели, — Нань Чуцин бросила взгляд на её пальцы.

— Ах, это я... — Чжао Цзянсюэ опустила глаза на свои руки и правда заметила легкое покраснение.

— Я как раз думала, что ты легко одета, и если замёрзла, не хочешь ли надеть моё пальто, — Нань Чуцин улыбнулась и, обойдя стол, села напротив.

Чжао Цзянсюэ не знала, что и ответить. Трудно было даже представить, каково это — носить одежду Нань Чуцин на своём теле. Она облизала губы и снова принялась тереть стол, приговаривая на ходу:

— Я... вообще-то нормально, не сказать чтобы сильно холодно, просто прохладно немного. На самом деле я отлично переношу холода. Она подняла голову, посмотрела на Нань Чуцин и, заметив, что та молчит и внимательно смотрит на неё, вдруг снова смутилась.

— М-м, — тихо отозвалась Нань Чуцин.

Словно получив ободрение, Чжао Цзянсюэ заговорила:

— Честно, в детстве зимой мы вечно бегали купаться в горы. Ты не представляешь, какая там холодная вода!

Нань Чуцин слегка удивилась, подумав про себя, что та и впрямь ничего не боится.

— А на следующий день мы заболевали.

— Хэ-э... — тихонько рассмеялась Нань Чуцин.

Чжао Цзянсюэ показала ей язык. Она всё ещё продолжала протирать стол, но голос её уже не дрожал от напряжения:

— Каждый раз, когда мы простужались, старшая боевая тётушка всегда нас ругала.

То, как она показала язык, выглядело очень мило. Легко усмехнувшись, Нань Чуцин сказала:

— На её месте я бы тоже ругала.

— Да ну, ты бы не стала.

Чжао Цзянсюэ бросила салфетку на пол — протирать стол она перестала — и посмотрела на Нань Чуцин, продолжая болтать:

— Моя старшая боевая тётушка такая грозная, в детстве вечно нас отчитывала.

— Это вы просто проказничали.

— Ничего подобного, просто у неё климакс начался раньше времени.

Чжао Цзянсюэ рассмеялась. Нань Чуцин поняла, что та несёт чушь, и тоже улыбнулась, а Чжао Цзянсюэ принялась объяснять:

— Моя старшая боевая тётушка — женщина, знаешь ли. И она невероятно крутая!

— Такая крутая, почему же она не жена главы ордена? — лениво сострила в ответ Нань Чуцин.

— Она говорит, что практикует путь бесчувственности, — покачав головой, улыбнулась Чжао Цзянсюэ.

В этот момент хозяйка заведения принесла палочки и чашки. Стоило ей поставить их на стол, как Чжао Цзянсюэ взяла воду из стоявшей под столом бутылки и ополоснула посуду, вылив воду прямо на пол.

— Держи.

Она поставила вымытую чашку перед Нань Чуцин.

Нань Чуцин чуть пододвинула её к себе. Она уже настроилась морально и больше не заикливалась на вопросах гигиены. К тому же Чжао Цзянсюэ всё время протирала стол да ещё и сама помогла ей вымыть посуду, из-за чего Нань Чуцин начала чувствовать, что ведет себя излишне капризно.

Желая отбросить эти мысли, она вернулась к прежней теме и переспросила:

— Путь бесчувственности?

— Да она просто перечитала романов про бессмертных, — с улыбкой ответила Чжао Цзянсюэ, положила в чашку Нань Чуцин половник и аккуратно разложила палочки. Сама же она не была столь щепетильна.

Хозяйка принесла маринованных речных улиток и заодно забрала со стола чайник.

Чжао Цзянсюэ не придавала этому никакого значения, и Нань Чуцин, глядя на неё, тоже успокоилась. Вскоре хозяйка вернулась с маленьким глиняным горшочком, в котором тлело несколько угольков, а следом принесла из передней глиняный котелок и водрузила его сверху.

— Всё готово, — бросила хозяйка и удалилась.

— Будешь газировку? — по привычке предложила Чжао Цзянсюэ, но тут же сама засмеялась: Нань Чуцин никогда не пила газировку, только чай и воду.

И правда, Нань Чуцин покачала головой.

Каша побулькивала, выпуская пузыри, и редкие крупы зелёного лука на поверхности то взлетали вверх, то падали обратно. Чжао Цзянсюэ то и дело поглядывала то на кашу, то на Нань Чуцин. Та же пристально смотрела на неё в ответ, но Чжао Цзянсюэ уже привыкла и совсем не смущалась. Каша побулькивала некоторое время. Чжао Цзянсюэ, держа в руках железный половник, поднялась, оглянулась, чтобы убедиться в отсутствии хозяйки, и быстро подошла к соседнему столику. Она взяла с пола чайник и ополоснула половник.

Наблюдая за её осторожными движениями, Нань Чуцин нашла её ещё более очаровательной.

Вернувшись, Чжао Цзянсюэ невозмутимо принялась помешивать кашу. В ней было много рыбы и штуки три-четыре креветки. Она сказала:

— А вообще, я слышала, что у старшей наставницы есть возлюбленный.

— М-м, — тихо отозвалась Нань Чуцин.

— Мой наставник рассказывал, что, когда старшая наставница много лет назад спускалась с горы, она встретила одного мужчину. Богатого мужчину. — Она улыбнулась Нань Чуцин так, будто хотела сказать: совсем как ты.

Нань Чуцин поняла, что она имела в виду, улыбнулась в ответ, но промолчала.

— Каша готова.

Чжао Цзянсюэ протянула руку. Нань Чуцин взяла палочки и половник и подала ей миску.

Чжао Цзянсюэ наложила ей полную миску, но ни рыбы, ни креветок туда не положила — она знала, что Нань Чуцин не умеет отделять рыбу от костей и чистить креветки, поэтому решила, что позже попросит ещё одну миску, чтобы приготовить еду для неё.

Пока Чжао Цзянсюэ размышляла об этом, она наполнила вторую миску для себя. Она была очень голодна, поэтому, едва закончив, принялась жадно есть. Каша была очень горячей, и как бы она ни спешила, ей приходилось есть медленно.

Сделав несколько глотков, Чжао Цзянсюэ спохватилась и спросила:

— Вкусно?

Нань Чуцин ещё не приступала к еде. Услышав вопрос, она взяла ложку, зачерпнула немного и попробовала. Каша оказалась очень свежей и слегка сладковатой.

— Неплохо.

Чжао Цзянсюэ довольно улыбнулась. Глядя, как Нань Чуцин ест, она почувствовала приятное покалывание в груди и необъяснимую радость.

Ей казалось, что Нань Чуцин действительно особенная. Даже в таком месте она ела с изяществом, и каждое её естественное движение приковывало взгляд. Её улыбка тоже отличалась от других: если остальные люди широко улыбались, обнажая зубы, то она лишь слегка приподнимала уголки губ, и порой это было трудно заметить, если не присматриваться. Казалось, одним своим присутствием она преображала всё вокруг.

Каша была горячей, поэтому Нань Чуцин после пары ложек отложила ложку и подняла взгляд, тут же утонув в глазах Чжао Цзянсюэ. Нань Чуцин замерла. Глаза той были невероятно яркими, чистыми, будто смеющимися, и в их сияющем центре отражалась она сама.

Сердце вдруг заколотилось.

Чжао Цзянсюэ была в восторге. Она встала, побежала к хозяйке просить ещё одну миску, а по пути обратно снова ополоснула её водой. Сев на место, она принялась выбирать из каши рыбу и креветки, очищая их от костей и панцирей прямо в миску для Нань Чуцин.

Нань Чуцин смотрела на неё, и на душе у неё теплело.

— Они вроде бы долго состояли в двусмысленных отношениях, неясно, сошлись ли. Мой наставник говорит, что сошлись, а старшая наставница утверждает, что нет. Но! — Чжао Цзянсюэ хитро прищурилась. — Это верный признак того, что кто-то кому-то точно приглянулся.

— Откуда тебе знать? — со смешком спросила Нань Чуцин.

Чжао Цзянсюэ выложила кости и панцири на стол, а очищенное мясо сбросила в миску Нань Чуцин. Она даже не заметила, что воспользовалась своими палочками, которыми уже ела, но Нань Чуцин это ничуть не смутило — напротив, подобная близость, где не было разделения на моё и твоё, принесла ей радость.

Когда она училась в шестом классе, был период, когда она очень завидовала своим одноклассницам. На переменах они собирались вместе, сплетничали, делились едой, вместе ходили в туалет и возвращались домой.

Тогда она жила в постоянном напряжении. Всё время уходило на учёбу, помимо школьной программы приходилось изучать управление предприятием, и каждый день она была как выжатый лимон.

Друзья начали постепенно отдаляться от неё именно тогда. Со временем она привыкла: каждый день её возил в школу водитель, после уроков ждали дополнительные занятия, а на каникулах она помогала бабушке в компании. Так всё и тянулось до сих пор.

Иногда Нань Чуцин думала: если бы в своё время она, подобно кузену, решила покончить с собой или если бы отец решился на сопротивление, как её второй дядя, сложилась бы её жизнь иначе?

По крайней мере, ей не было бы так тяжело.

— Попробуй это, — Чжао Цзянсюэ положила в миску Нань Чуцин кусочек мяса улитки.

Воспоминания прервались. Нань Чуцин посмотрела на желтоватый кусочек размером с ноготь, на котором виднелось пятнышко крови, и нахмурилась. Выглядело это не очень аппетитно, и есть его совсем не хотелось.

— Очень вкусно.

Нань Чуцин подняла взгляд, посмотрела на неё, затем прикрыла глаза. Снова открыв их, она приняла решение, взяла кусочек и отправила в рот.

Никакого рыбного привкуса не было, но оказалось очень солёно и к тому же остро. Нань Чуцин такое не нравилось.

Она покачала головой.

— Ну ладно, тогда я сама съем, — Чжао Цзянсюэ ничуть не обиделась и принялась за улиток сама.

«Она злится?» — Нань Чуцин пожалела, что не сказала, что ей вкусно. Ей ведь на самом деле нравилось, что Чжао Цзянсюэ так заботливо выбирает для неё мясо.

Стоп. Нравится?

— А? — Чжао Цзянсюэ не поняла её замешательства. Чтобы Нань Чуцин не надумала лишнего, она добавила: — Если тебе не нужно, я всё сама съем.

Нань Чуцин кивнула, и мимолётная мысль тут же испарилась.

— А почему они потом не остались вместе? — спросила Нань Чуцин.

— Говорят, что-то случилось, и старшая наставница вернулась на гору, а тот мужчина погнался за ней. Но сама понимаешь, дороги тогда были совсем не те, что сейчас, ни навигаторов, ничего, — рассказывала Чжао Цзянсюэ, не заботясь о том, поймёт ли Нань Чуцин детали. — Говорят, он прошёл половину пути, сбился с дороги и вернулся обратно. Моя старшая наставница решила, что такова уж их судьба, с тех пор успокоилась и полностью ушла в культивацию. Впрочем... — она намеренно сделала паузу и лукаво добавила: — Она большая сплетница, так что признаков того, что она действительно успокоилась, совсем нет.

<http://bllate.org/book/22463/2363267>